

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 610-619.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.610
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Diaspora Communities of the Don Cossack Region in the 19th century: the Experience of Systemic Characteristics

Andrey V. Bedrik ^a, Artyom Yu. Peretyatko ^{b, c, *}, Margarita V. Finko ^d,
 Olga I. Shafranova ^e

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^e North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The presented article is devoted to a comprehensive description of the Don diaspora communities of the 19th century, which functioned together in a single socio-economic, political and cultural space of the historical region. The team of authors analyzed the historiographic tradition that characterizes the synchronous development of the Don ethnic diasporas in the context of the systemic modernization of traditional social institutions. The comparative approach allows us to imagine the immanent features of regional ethnic communities that took shape during the previous era and were transformed under the specific influence of the imperial authorities and the Cossack environment. The source base includes both a variety of official and expert statistical data and unpublished documentary materials that reveal the features of regional administrative practices. The daily life of diaspora communities is considered in the general cultural context of a developing region that forms a new model of collective identity.

Keywords: region, Cossacks, Armenians, Greeks, Jews, diaspora, ethnos, society, governance.

1. Введение

Ситуацию, исторически сложившуюся в Северном Приазовье в XIX в., можно считать уникальной для Российской империи. На наш взгляд, она сама в значительной степени способствовала формированию и развитию диаспор в регионе, причем данная тема остается почти не исследованной историками.

Дело в том, что до 1887 г. этот регион был разделен между двумя крайне специфическими субъектами Российской империи. Диаспоры локализовались в городских поселениях, подчиненных Екатеринославской губернии (Ростов-на-Дону, Нахичевань-на-Дону, Таганрог, Азов). Однако эти поселения представляли собой анклав на территории Земли (с 1870 г. области) Войска Донского. Местные власти неоднократно жаловались на нетерпимость такого положения. В 1866 г. таганрогский градоначальник И.А. Шестаков сообщил Александру II о том, что именно удаленность от основной, неказачьей части Российской империи мешает окончательной русификации края: «Недостаток сношений с коренною Россией виною того, что город до сего времени не сделался русским на самом деле, будучи уже почти сто лет русским по воле монархов и счастливому ходу нашего исторического развития. Несмотря на вековое соединение с Россией, несмотря на то, что все окрестные места, поступившая с ним единовременно под скипетр предков Вашего Величества, давно

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko), abedrik@bk.ru (A.V. Bedrik), mvfinko@mail.ru (M.V. Finko), shafranova@yandex.ru (O.I. Shafranova)

утратили прежний характер, Таганрог остался иностранным городом, хотя огромное большинство его жителей – русские» (Филевский, 1898: 200).

Разбирая вопрос более подробно и обратившись к истории приазовских городов, мы можем увидеть, что отношения их властей друг с другом и с вышестоящим начальством были очень неоднозначными. Например, в 1812 г. градоначальник Таганрога П.А. Папков, которому подчинялась так же Керчь, без чьего-либо разрешения, опасаясь распространения эпидемии чумы, закрыл кораблям доступ в Азовское море (Филевский, 1898: 189). В 1833 г., во время спора приазовских городов с Донским Войском из-за их границы, екатеринославские власти требовали от подчиненных им ростовских выслать чиновника для размежевания, но последние не торопились выполнять распоряжений начальства (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 23а, 25). Сенатор М.Н. Жемчужников, в 1843–1844 гг. производивший ревизию Таганрогского градоначальства обнаружил, что чиновники градоначальства не имеют достаточных сведений о положении дел в подчиненном им Нахичеванском округе (Батиев, 2020а: 16). Как мы видим, местные чиновники часто проявляли самовластие и халатность, вышестоящих властей они не боялись, а собственные обязанности выполняли спустя рукава, и поэтому в итоге степень контроля ими жителей была значительно ниже, чем обычно в Российской империи. Например, в Ростове-на-Дону фактически не мешали незаконному переселению в город новых лиц. Дореволюционный краевед Г.Х. Чалхушьян описывал соответствующие процессы так: «Бродяги и проходимцы, известные, впрочем, более по источникам под названием «разного звания люди», самовольно, без спроса селились внизу крепости Св. Дмитрия и никому не платили налогов и податей, мало того, представляли сомнительный и ненадежный для города элемент. Указы Екатеринославского губернского правления и угрозы Городского управления вовсе не пугали этих непрошенных соседей» (Чалхушьян, 1999). Впрочем, И.А. Шестаков связывал подобное положение дел не только с нерадением и коррупцией чиновников, но и с их бессилием в удалении от губернатора: «Главное препятствие к полезному действию власти кроется в административной чрезполосности здешнего края, и вследствие ее здесь сложились грустные понятия о долге гражданина. Обязанные блюсти за исполнением требований закона, предположив даже усердие, способность и бескорыстие, не могут выполнить долга, как того требуют Ваши (императора Александра II – Авт.) благие предначертания. Злу и самоволию нельзя поставить необходимых преград и препятствий, край ждет внимания к его нуждам» (Филевский, 1898: 200).

Вокруг приазовских городов лежали казачьи земли. Они также способствовали процветанию диаспор в Приазовье. Еще в 1884 г. секретарь Донского статистического комитета С.Ф. Номикосов писал: «Таганрогский или мариупольский грек играет роль всевластного повелителя, и по-прежнему обыватель донской земли вынужден подчас продавать свой хлеб ниже цены производства» (Номикосов, 1884). Еще за 20 лет до этого другой исследователь, Н.И. Краснов, жаловался, что не только простые казаки, но даже помещики находятся в полной зависимости от таганрогских купеческих контор: последние позволяли себе в одностороннем порядке значительно опускать цены ниже рыночных, однако выбора, кроме как продавать им хлеб, у жителей донских станиц часто не было (Краснов, 1863: 261). Причины подобной зависимости достаточно очевидны: до 1870 гг. казаки поголовно служили много лет и риск выхода на службу мешал их торговым предприятиям. На эту тему хорошо писал классик донской историографии В.Д. Сухоруков: «Военное состояние казаков препятствует распространению их торговых оборотов: ибо при достижении очереди на службу торгующий казак должен необходимо оставить все свои коммерческие занятия или передать их в ненадежные руки; в том или другом случае следуют более или менее расстройств» (Сухоруков, 1891: 225-226). Хотя еще М.И. Платовым было создано общество торговых казаков, освобожденных от службы, на практике их число было недостаточно, да и географически они концентрировались преимущественно в Новочеркасске и Черкасском округе, что не оставляло выбора казакам большинства округов, кроме как продавать свой хлеб сторонним торговцам (так, в начале 1860 гг. в ближайшем к Таганрогу Миусском округе было всего 19 торговых казаков, в Донецком – 5, а в Хоперском вообще 4) (Краснов, 1863: 233). Таким образом, именно представители диаспор часто выступали перекупщиками хлеба, который казаки выращивали, но не могли продать. О роли греков в этом процессе писал С.Ф. Номикосов. Но войсковые власти куда больше боялись скупщиков-евреев. По данным начальника атаманской канцелярии П.С. Балужева, на 1894 г. евреи владели в приазовских городах 29 торгующими хлебом предприятиями с оборотом в 3 130 000 руб. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 1). Начальник канцелярии утверждал, будто бы евреи отрицательно влияют на благосостояние казаков, однако тут же оговаривал, что они, по крайней мере, «являются сильными конкурентами другой, не менее коммерческой нации – армянской, которая без них имела бы еще большее влияние на торговую и промышленную деятельность населения» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 5).

К этому нужно добавить еще один важный фактор. Дело в том, что казачьи территории в течение долгого времени не только служили своеобразной ресурсной базой для приазовских диаспор, но и способствовали крайне компактному проживанию представителей последних. С 1835 г. по 1868 г. законодательство Российской империи официально запрещало не-казакам приобретать и владеть недвижимостью в Донском войске (Столетие военного..., 1911: 88). В этих условиях просто не было возможности для какого-либо массового перемещения представителей национальных меньшинств по

территории Приазовья, и их представители, если желали оставаться в данном регионе, были вынуждены проживать только в крупных городах и прилежащих к ним селах. Наконец, казачьи земли еще и помешали массовому переселению в Приазовье жителей центральных и малороссийских губерний в конце XVIII в., когда происходила колонизация этих мест. «Казачи задерживали обильное переселение к Азовскому морю из Средней России, останавливая переселенцев и поселяя их около своих зимовников; вследствие этого берега Азовского моря были предоставлены главным образом иностранцам, которые обособились, и потом уже русскому элементу трудно было установить здесь свое торговое значение, которое, естественно, развилось бы, если бы русские одновременно с греками начали свою деятельность», – писал на этот счет известный дореволюционный исследователь Таганрога П.П. Филевский (Филевский, 1898: 101).

Итак, представители диаспор в Приазовье в первой половине XIX в. оказались в крайне выгодных условиях. Местная администрация не могла в полной мере установить над ними контроль; вокруг лежали обширные и богатые территории, население которых не могло конкурировать с представителями диаспор в торговых делах и поставляло им товары для перепродажи; наконец, российские предприниматели начали осваивать регион позже греков и армян, что ставило их в менее выгодные условия. «Будучи первыми поселенцами благодатного края, они (греки и армяне – Авт.) по силе вещей опередили русских в благосостоянии. Материальные выгоды достаются исключительно на долю этого племени и впредь будут его достоянием, если местность останется в настоящих административных условиях. Всякий пришелец находит усердных покровителей в своих соотчичах и немедленно получает значение в обществе, где нет русского элемента, уравновешивающего влияние иноземного», – жаловался на этот счет И.А. Шестаков (Филевский, 1898: 201). И такое положение дел продолжалось почти столетие, с переселения в Приазовье армян и греков в конце XVIII в. до присоединения приазовских городов к области Войска Донского в 1887 г.

С этого момента ситуация в регионе изменилась кардинальным образом. Теперь вышестоящее начальство было не в далеком Екатеринославле, а в соседнем Новочеркасске. При этом многие донские атаманы не отличались терпимостью к национальным меньшинствам. Дальше всех в этом отношении зашел генерал Ф.Ф. Таубе, в 1909 г. на созванном им из представителей станиц Войсковом совещательном собрании прямо заявивший: «Мой девиз единственный и простой – Дон для донцов и ни для кого больше!» (Корниенко, 2013: 81). При его предшественнике, Н.И. Святополк-Мирском, при котором приазовские города были присоединены к области Войска Донского, войсковые власти вообще предприняли попытку постепенно вытеснить из них еврейскую диаспору. Предполагалось, что после принятия ряда ограничительных мер число евреев постепенно начнет сокращаться (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 206-3). Однако на практике войсковые власти оказались совершенно не способны бороться с богатыми и влиятельными диаспорами. Так, к 1898 г. число еврейских предприятий, торгующих хлебом, возросло до 39, а их обороты – до 8 739 000 руб. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 206.). Войсковые власти ссылались на то, что представители диаспор не только обходят принятые против них законы, но и используют их в своих целях: например, евреи прекрасно знали, что закон разрешал остаться в пределах области Войска Донского тем из них, кто до 1887 г. имел жительство на присоединенных территориях, и доказывали, что могут остаться не только владельцы недвижимости, но вообще все проживавшие в приазовских городах (причем доказательством этого порой служило личное заявление) (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 5-506.). На практике проверять законность проживания каждого еврея оказалось затруднительно, к тому же многие дела требовали внимания войсковых властей или даже Главного управления казачьих войск (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 506.). В итоге подобные попытки борьбы с влиянием диаспор со стороны донских атаманов закономерно оказались малоуспешны.

Нам остается констатировать, что важнейшей причиной устойчивости исторических донских диаспор, армянской, греческой и еврейской, в XIX в. был внешний по отношению к ним фактор, территориально-административная ситуация в Приазовье. Если в других регионах Российской империи диаспоры зависели от местных чиновников, обычно благожелательных к русскому населению, то здесь долго наблюдалась совершенно иная картина. По мнению И.А. Шестакова, например, само Таганрогское градоначальство с какого-то момента стало инструментом влияния греческого меньшинства: «Оно (градоначальство – Авт.) слишком долго обнимало исключительно Таганрог, Мариуполь и Нахичевань, предоставленный иноземным выходцам, и места эти, не будучи подчинены общим учреждениям империи, до сих пор сохранили свою особенность. <...> Местные чиновники при содержании, которому нет подобного по скудости, совершенно в руках магнатов-греков. Между ними существует солидарность, основанная на связи, рушимой не иначе как временем и случайностями – на участии в делах, не выносящих света» (Филевский, 1898: 200-201). Лучшей ситуации для формирования исторически устойчивых диаспор в Российской империи сложно представить! А когда ситуация поменялась, диаспоры пустили глубокие корни. Разберем же подробнее особенности бытования в Приазовье трех крупнейших диаспор XIX в.: греческой, армянской и еврейской.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковая база представленного исследования формировалась на основе двух групп исторических свидетельств, характеризующих различные аспекты длительного генезиса донских диаспорных сообществ. Системная реконструкция административных условий, связанных с последовательной консолидацией этнических общин, осуществлялась на основе документальных материалов, отложившихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (РГИА. Ф. 560. Оп. 41. Д. 147), Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Ч. 1. Д. 1252; Ф. 46. Оп. 1. Д. 484) и отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38). Вторую источниковую группу составили многообразные статистические данные, полученные в рамках системного анализа профильные фрагменты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., Военно-статистического обозрения Российской империи, обобщающего сборника, посвященного столетию Военного министерства, фундаментальных трудов Н.И. Краснова, С.Ф. Номикосова, В. Павловича и В.Д. Сухорукова.

2.2. В методологическом измерении особое внимание было уделено содержательной верификации статистических данных, реконструированных из дифференцированных исторических источников. В контексте указанного обстоятельства главным эпистемологическим инструментом являлся сравнительный метод, позволяющий использовать эмпирический материал, полученный из отдельных источниковых групп. Вводимые в научный оборот архивные документы подвергались текстологическому изучению, направленному на последовательное выявление максимального объема исторических фактов, характеризующих избранную проблему. В отдельных случаях использовались специальные методы, связанные с ретроспективным анализом внутреннего генезиса диаспорных сообществ, активно разрабатываемые в отечественной и зарубежной социологии (Пешкова, 2016: 18-32). Кроме того, отдельные сюжеты и образы реконструировались в микроисторическом ракурсе, предполагающем особую интеграцию частных фактов в рамках последовательного формирования обобщенного представления об исследуемом явлении.

3. Обсуждение

Диаспорный ракурс неизменно присутствует в исследовательской практике, посвященной донской истории. Системное описание социально-экономического, политического и культурного развития Дона в XIX столетии не представляется возможным без реального вклада, связанного с хозяйственной и общественной деятельностью этнических общин. Однако целенаправленное изучение донских диаспор является приоритетной задачей для узкого круга профильных исследований, создаваемых региональными учеными и краеведами. В контексте указанного обстоятельства значительный интерес представляют обобщающие труды Г.Х. Чалхушьяна и П.П. Филевского, освещающие динамичную историю крупных городских центров – Ростова-на-Дону и Таганрога – в рассматриваемый период (Чалхушьян, 1999; Филевский, 1898). Неоднозначное отношение донского казачества к этническим общинам получило адекватную характеристику в фундаментальной работе Б.С. Корниенко, посвященной генетической трансформации националистических стереотипов поведенческой практики и массового сознания регионального сообщества (Корниенко, 2013). Отдельного внимания заслуживает интегрированная история еврейской общины Дона, представленная М.А. Гонтмахером (Гонтмахер, 2007). В масштабном обзоре получили адекватное отражение предпринимательские проекты, сложная система социального взаимодействия и культурная жизнь донских евреев, игравших важную латентную роль в системном развитии рассматриваемого региона. Применительно к армянской общине следует выделить известные труды С.С. Казарова и Л.В. Батиева, характеризующие различные аспекты диаспорного самоуправления в фиксированных границах региональных административных практик (Batiev, Kazarov, 2018).

4. Результаты

Греки и армяне

Между формами функционирования еврейской и армянской диаспор в Приазовье в XIX в. было много общего. Обе эти диаспоры в существовавшем на тот момент виде возникли в конце прошлого, XVIII в., и сразу получили «свои» города. Для греков таким городом стал Таганрог. Как писал П.П. Филевский, в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 г. Российская империя завоевала абсолютно пустой город; в него затем «из Керчи стали переселяться греки и албанцы, за первыми переселениями которых скоро стали следовать новые» (Филевский, 1898: 92). Екатерина II поддерживала переселение греков в Россию: для них в Таганроге создавались благоприятные условия, с 1784 г. по 1836 г. в городе даже официально действовал особый греческий магистрат, представлявший греков перед российскими властями и разрешавший споры внутри диаспоры по «законам греческих царей» (Филевский, 1898: 110-111). В то же время переселение было непростым и во многом вынужденным: многие из первой волны переселенцев участвовали в действиях против турок с российской эскадрой, и оставаться на родине для них было небезопасно (Филевский, 1898: 93). Интересно, что, согласно П.П. Филевскому, последовавшая в результате политики Екатерины II

греческая колонизация Мариуполя, Керчи и Таганрога была крайне неоднородной: в первый из этих городов переселялись крымские греки, частично утратившие национальную идентичность, во второй – бедняки из Греции, а Таганрог предпочитали военные и богачи, рассчитывавшие начать там торговлю (Филевский, 1898: 107).

Для начавших переселение в 1778 г. из еще татарского Крыма армян «своим» городом стала Нахичивань-на-Дону. Это переселение также проводилось в рамках переселенческой политики Екатерины II, и особый армянский магистрат был учрежден еще раньше греческого в Таганроге, в 1780 г. (Batiev, Kazarov, 2018: 519). Подобно греческому, в своей деятельности он руководствовался не российским правом, а Армянским (Астраханским) судебником (кстати, о положении дел в Приазовье красноречиво свидетельствует то, что в 1843–1844 гг. сенатор М.Н. Жемчужников обнаружил: екатеринославские чиновники с судебником не знакомы и его перевода на русский не сделано) (Батиев, 2020: 17). А вот просуществовал армянский магистрат дольше, до 1866 г., причем его армянская специфика сохранялась до конца: гражданские и торговые дела так и разрешались с помощью Армянского судебного (Batiev, Kazarov, 2018: 523-525).

Таким образом, появление в Приазовье значительных греческой и армянской диаспор было почти одновременным и очень схожим. С одной стороны, переселение греков и армян на донскую землю носило во многом вынужденный характер, и они спасались от притеснений мусульман. С другой стороны, это переселение было спланировано государством, представляло собой часть политики Екатерины II, и переселенцам сразу даровались не только разнообразные льготы, но и широкое самоуправление, вплоть до права разрешать внутренние дела общины по своим законам. С учетом описанной выше региональной специфики (греки и армяне переселялись первыми на земли, где было мало русских; от остальной России эти территории были отделены землями Донского Войска; наконец, местные чиновники быстро попали в зависимость от влиятельных переселенцев) совершенно не удивительно, что в итоге начали формироваться устойчивые диаспоры.

На данный факт было обращено внимание, например, в «Военно-статистическом обозрении Российской империи», вышедшем в середине XIX в. Дело в том, что колонизация Екатеринославской губернии некогда происходила с участием не только греческих и армянских, но и многих других переселенцев (сербов, валахов, поляков, молдаван и пр.). И в томе обозрения, посвященном Екатеринославской губернии, сообщалось: «Большая часть иностранных выходцев, обитающих в Екатеринославской губернии, хотя и придерживаются еще некоторых национальных своих привычек и языка, но время от времени принимают нравы и обычаи малороссиян, составляющих здесь главное население. Так, молдаване, волохи и сербы, временем, посредством родственных связей, совершенно слились с господствующим народонаселением, отличие между ними видно только в одежде и несколько в домашнем быту» (Военно-статистическое обозрение..., 1850: 96). Исключение, по мнению составителя тома штабс-капитана Драчевского, составляли как раз греки и армяне: «Особенная разность нравов встречается в греках и армянах: народы эти, несмотря на столь давнее переселение их из Крыма, нисколько не оставили еще азиатских нравов, заимствованных ими вместе с языком от татар, и потому до сих пор остаются в грубом невежественном состоянии» (Военно-статистическое обозрение..., 1850: 97). Собственно, подобный пассаж в официальном издании свидетельствует, что к этому времени российские власти в принципе желали хотя бы частично ассимилировать греческую и армянскую диаспоры Приазовья, но мало продвинулись в этом отношении.

А в 1862 г. в томе «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» были приведены подробные числовые данные по различным категориям жителей таганрогского градоначальства за 1857 г. Всего в Таганрогском градоначальстве (включая Мариуполь) проживало 94 288 человек, из них 31 718 греческих и 5 708 армянских поселян (Павлович, 1862: 126). Здесь речь идет только о крестьянах определенной национальности, а в действительности армян и греков было больше: в Российской империи общие статистические сведения по национальности не фиксировались, и, например, в число 1 708 купцов Таганрогского градоначальства входили и армяне, и греки, среди 171 армяно-григорианского священника большинство, наверняка, составляли армяне, а сколько было греков среди 658 представителей православного духовенства – можно только гадать (Павлович, 1862: 125-126). После таблицы также сообщалось, что в ней не приведены сведения по мещанам, среди которых много греков, и на самом деле в градоначальстве «число греков составляет перевес даже против малороссиян и великороссиян» (оговоримся, впрочем, что, как мы покажем ниже, в самом Таганроге греки составляли меньшинство) (Павлович, 1862: 126). Таким образом, вплоть до середины XIX в. ассимиляция греческой и армянской диаспор в Приазовье была затруднена еще и потому, что на локальной территории Таганрогского градоначальства их представители все еще составляли большинство, а русские были в меньшинстве. Притоку же переселенцев мешало отсутствие прямого сообщения с центральными губерниями: отделяющая Приазовье от основной России Земля Войска Донского, как мы помним, сама стала официально закрыта для поселенцев, которым запрещалось приобретать недвижимость на ее территории.

Только в 1850 г. имперские власти наконец начали последовательно упразднять административные органы Приазовья, оказавшиеся под контролем представителей диаспор. Так, с 1854 г. неоднократно поднимался вопрос о том, что управление Нахичевани-на-Дону не только ведется по армянским законам, но и осуществляется армянским магистратом, в котором вовсе не представлены русские жители города (впрочем, в полной мере этническое армянское самоуправление было ликвидировано только к 1870 г.) (Батиев, 2020: 163-173). В 1859 г. из ведения Таганрогского градоначальства были выведены все территории, кроме собственно Таганрога и его окрестностей, что, естественно, значительно сократило влияние данного органа (Филевский, 1898: 199). Наконец, уже упоминавшийся нами И.А. Шестаков в 1866 г. выступил с уже неоднократно озвучивавшейся идеей о создании полноценной губернии с центром в Таганроге, с присоединением к ней близлежащих территорий с русским и украинским населением, рассчитывая с ее помощью ассимилировать диаспоры: «Учреждение губернии или иная мера, не избавляющая местность от исключительного влияния иноземного племени, притянет в город на жительство русский элемент, способный бороться с греческим; вместе с тем предоставится случай привлечь сюда чиновников, чуждых местной обстановке» (Филевский, 1898: 201-202). Современный исследователь армянской общины на Дону Л.В. Батиев характеризует вторую половину XIX в. как время «потери административного ресурса» нахичеванскими армянами (Батиев, Суций, 2020: 80). Как мы видим, в случае с греками можно говорить о схожем процессе, вызванном изменением политики Российской империи.

Одновременно происходило и общее изменение ситуации в регионе, связанное с открытием казачьих войск для приобретения недвижимости на их территории и строительством железных дорог. Один из чиновников так описывал последовавшие за этим процессы на территории Кубанского казачьего войска: «Путь к переселению указал не столько закон, сколько железная дорога, открытая для движения в 1870 гг. Стесненный малоземельем русский мужик, ища заработка по дальним окраинам империи, пришел на Кубань, и здесь нашел, вполне для себя неожиданно, обетованный край. <...> Слух об этом прошел по губерниям России, и следом за первыми пришельцами на Кубань двинулись массы народа» (РГИА. Ф. 560. Оп. 41. Д. 147. Л. 8-8об.). Аналогичные процессы имели место и в Донском, и в Терском казачьих войсках. В абсолютных величинах с 1861 по 1880 гг. число иногородних на Дону выросло с 9 630 человек до 154 438 человек (подчеркнем, что эти данные относятся к историческим территориям Войска Донского, без приазовских городов, приток населения в которые, по сравнению с сельской местностью, возможно, был еще выше) (Номикосов, 1884: 264-265).

Для греческой диаспоры, уже к середине XIX в. оказавшейся в меньшинстве в самом Таганроге, почти не затронутом притоком населения, более значимой, очевидно, стала потеря влияния Таганрогским градоначальством, на территории которого они составляли большинство и на которое они сильно влияли. Так, согласно «Материалам для географии и статистики России, собранным офицерами Генерального штаба», в начале 1860 г. в Таганроге жило 21 279 человек, из которых греки составляли около 3 000 человек (Павлович, 1862: 335-336). По данным же Первой всероссийской переписи населения 1897 г. в Таганроге осталось всего 1 006 грекоязычных людей, при том, что население города возросло только до 26 260 человек (Первая Всеобщая..., 1905: 78-81). А вот по положению армян, напротив, сильно ударил приток населения. В Нахичевани-на-Дону, согласно тем же «Материалам», в начале 1860 гг. армяне составляли абсолютное большинство из 14 507 жителей (точно подсчитать сложно, поскольку далее шли конкретные сведения по городу с окрестными селами, но общая численность не армян даже с этими селами не превышала 3 000 человек) (Павлович, 1862: 341). К 1897 г. в Нахичевани-на-Дону осталось 8 277 армяноязычных из 28 427 горожан (Первая Всеобщая..., 1905: 78-81). Таким образом, таганрогские греки стали составлять меньшинство просто благодаря пересмотру региональных границ, когда их территорию отделили от греков мариупольских; нахичеванские же армяне стали меньшинством из-за притока русских поселенцев.

Итак, армянская и греческая диаспоры Приазовья представляют совершенно особый феномен. Несмотря на тяжелое и проблемное переселение на русскую землю, на ее территории они долго пользовались не просто благорасположением властей, но контролировали эти власти: армяне до 1860 гг. сохранили право выбирать нахичеванский городской магистрат, разрешавший многие дела по армянским законам, а греки имели свой особый, хотя и менее влиятельный, таганрогский магистрат до 1830 гг., да и после его роспуска таганрогское градоначальство зависело от греческих «магнатов». Более того, российское правительство нарезало границы так, что армяне в Нахичевани-на-Дону, а греки в Таганрогском градоначальстве составляли большинство до 1850 гг. Фактически российские власти дали греческой и армянской диаспорам более полувека особого статуса, когда на «своих» территориях представители данных диаспор были влиятельнее и, с оговорками, многочисленнее русского населения. Если добавить к этому еще 30 лет административной чересполосицы, когда правительство уже пыталось запустить процесс ассимиляции диаспор, но территория их проживания оставалась в составе Екатеринославской губернии, не способной наладить эффективный контроль над связанными с диаспорами местными чиновниками, станет

окончательно понятно, почему грекам и армянам удалось пустить настолько глубокие корни на донской земле.

Евреи

Совершенно иную специфику имела донская еврейская диаспора. Она сложилась самостоятельно, без участия властей и какого-либо значимого начального переселения. На начало XIX в. о сколько-либо значительной еврейской общине в Приазовье не шло и речи: в Ростовском уезде, где позднее евреев было больше всего, их проживало всего 10 человек (Гонтмахер, 2007: 15). Однако Екатеринославская губерния входила в черту оседлости, и евреи на ее территории были достаточно многочисленны (Военно-статистическое обозрение..., 1850: 96). И было бы странно, если бы евреи не воспользовались теми выгодными условиями, которые создавали в Приазовье слабость государственной власти и отсутствие торговой конкуренции в казачьих землях.

Лучше всего к настоящему времени изучено появление евреев в Таганроге. Современный краевед М.А. Гонтмахер утверждает, что в принципе евреи жили там уже в 1800 гг., однако речь шла только об отдельных семьях, а затем приводит слова уже известного читателю П.П. Филевского: «Массовое появление евреев в Таганроге началось в 40-х годах (XIX в. – Авт.). Это были преимущественно ремесленники, многие кантонисты. За ними потянулась беднота с западных районов, которые занимались тем, что с корзиной в руках ходили по дворам и предлагали сапожную ваксу, сернички (спички), папиросную бумагу, продававшуюся маленькими книжечками с обложкой из красивой цветной или золотой бумаги, преимущественно для детей, чтобы те сказали маме и папе, что у них есть товар» (Гонтмахер, 2007: 17). Хотя П.П. Филевский и утверждал, что антагонизма между наиболее влиятельной в городе греческой диаспорой и евреями не было, переселение евреев в Таганрог было ограниченным по масштабу (Гонтмахер, 2007: 17). В начале 1860-х гг. на 21 279 жителей города приходилось всего 363 еврея, что было немногим больше, чем, например, итальянцев (их было 200) (Павлович, 1862: 336).

Сейчас трудно однозначно сказать, почему евреи предпочитали переселяться в Ростов-на-Дону. На наш взгляд, это могло быть связано с тем, что в этом городе не существовало таких влиятельных диаспор, как в Таганроге и Нахичевани-на-Дону. Как мы помним, П.С. Балуев определял евреев и армян как конкурирующие торговые нации. Вполне возможно, что в Ростове-на-Дону еврейские переселенцы просто имели больше возможностей для торговли, поскольку им не нужно было конкурировать с греками или армянами. В любом случае, к 1857 г. на 12 701 житель Ростова-на-Дону приходилось 2 252 человека иудейского вероисповедания (Павлович, 1862: 321). По косвенным данным мы можем предположить, что серьезная еврейская община появилась в городе чуть раньше, чем в Таганроге, – в 1830 гг.: с 1836 г. местные власти ввели специальный коробочный сбор с евреев, причем уже за первые пять лет он удвоился (Чалхушьян, 1999).

К середине XIX в. еврейская диаспора в Ростове-на-Дону была не только значительна по численности, но и получила определенное влияние на городские власти. Так, в 1862 г. в местный комитет по выработке нового городского положения вошло 6 евреев (Гонтмахер, 2007: 20)! При этом, если греки и армяне изначально получили влияние на Таганрогское градоначальство и нахичеванский магистрат, соответственно, благодаря политике российских властей, то евреи, напротив, сперва действовали в неблагоприятных для них условиях, а влияние на местных чиновников приобрели вопреки воле вышестоящего начальства. Не имели они и территориального образования, на котором составляли бы большинство. Поэтому совершенно не удивительно, что для них изменения 1850–1860 гг. оказались даже где-то выгодны: фактически имперские власти ослабили их конкурентов, греков и армян, лишив их прежних исключительных привилегий.

Так, во второй половине XIX в. евреи вытесняют греков с позиции самой многочисленной общины в Таганроге. К 1897 их в городе было уже 2 685 против, как мы помним, 1 006 греков (Первая Всеобщая..., 1905: 78-81). Иными словами, за 1860–1897 гг. греческая община в этом городе втрое сократилась, а еврейская возросла почти в десять раз! Резко возросло число евреев и в Нахичевани-на-Дону: с 26 (Павлович, 1862: 341) до 455 (Первая Всеобщая..., 1905: 78-81). Армянская община города же, как мы помним, особенно не росла: к 1860 гг. она насчитывала около 10 000 человек, а к 1897 г. – 8 277 человек. На наш взгляд, дело было не только в том, что еврейская община была лучше адаптирована к выживанию без поддержки сверху. Тот самый поток переселенцев из российских губерний, который уменьшал долю греков и армян в Приазовье, нес с собой евреев, причем на законных основаниях. Например, мы обнаружили сведения о Я.М. Каце, в 1870 гг. переехавшем в Ростов-на-Дону из города Маяк Херсонской губернии (ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Ч. 1. Д. 1252. Л. 328-329об.).

Наконец, в пользу еврейской диаспоры работало и то, что центром ее влияния был быстро растущий в это время Ростов-на-Дону. Так, уже в 1866 г. новороссийский генерал-губернатор П.Е. Коцебу, поддержав предложение создать новую губернию в Приазовье, в то же время указывал, что ее центром по своему значению должен стать Ростов-на-Дону, а не Таганрог (Филевский, 1898: 199-200). Между тем влияние еврейской диаспоры на городские власти оставалось значительным как минимум до присоединения городских поселений Приазовья к области Войска Донского. Так, как раз в 1887 г., когда решение о присоединении было уже принято, городская дума напрямую обратилась к

Александр III, ходатайствуя о сохранении для Ростова-на-Дону действующих законоположений. Помимо прочего, члены думы заявляли следующее: «Выселение из Ростова 10 000 евреев, которым жительство в Области Войска Донского не допускается, имело бы весьма грустные следствия как для города, так и для его обитателей. Торговля и промышленность не делают различия между национальностями, а дают дело каждому, кто хочет трудиться на пользу общую» (Гонтмахер, 2007: 54). Как мы видели выше, евреям, на 1887 г. проживавшим в Приазовье, было разрешено остаться, а попытки постепенно выдвинуть их из области Войска Донского потерпели неудачу. К 1897 г. в Ростове-на-Дону проживало уже 11 183 еврея, т.е. по сравнению с началом 1860 гг. их число выросло в пять раз (правда, их доля в населении города, достигшем 119 476 человек, заметно сократилась) (Первая Всеобщая..., 1905: 78-81).

5. Заключение

В заключение отметим, что, когда греческая, армянская и еврейская диаспоры стали не имеющими прежней поддержки сверху меньшинствами на территории области Войска Донского, их положение стало гораздо более опасным. В 1909 г. официальный орган войсковых властей, «Донские областные ведомости», перепечатали статью, в которой задавался следующий риторический вопрос: «Что же тут справедливого: землю добывали казаки, а в хозяева ее теперь подбираются евреи, поляки, хохлы, греки, армяне и всякий сброд?» (Корниенко, 2013: 94). Характерно, что представители греческой и армянской диаспор, которых некогда привлекали в Приазовье особыми привилегиями, теперь были поставлены в один ряд с евреями как нежелательные элементы. Нам представляется, что в иных условиях в регионе могли произойти не еврейские, а армянские или греческие погромы, просто еврейская диаспора к моменту их начала была наиболее влиятельна. Когда в 1883 г. в Ростове-на-Дону произошел первый еврейский погром, местная пресса признавала, что «возбуждение против евреев сильное» (Гонтмахер, 2007: 50). Однако еврейская диаспора, справившаяся с противодействием войсковых властей, тем более оказалась способна выстоять против погромов.

И остается констатировать, что при всех различиях три наиболее устойчивые исторические диаспоры Ростовской области – греки, армяне и евреи – сформировались примерно одновременно и в схожих условиях, с чем логично связать их высокую выживаемость. Важнейшие особенности этих условий можно свести к следующему:

1) формирование диаспор происходило в конце XVIII – первой половине XIX вв. на территории Приазовья, подчиненной Екатеринославской губернии, где власть чиновников была достаточно слаба и они не имели возможности целенаправленно ассимилировать эти диаспоры;

2) каждая диаспора преимущественно локализовалась в одном городе, на администрацию которого она имела значительное влияние (греки – в Таганроге, армяне – в Нахичивани-на-Дону, евреи – в Ростове-на-Дону);

3) диаспоры не конкурировали напрямую с местным казачьим населением, но находились с ним в своеобразном симбиозе: представители диаспор выступали торговцами, а казаки (и позднее крестьяне) – земледельцами. Русские же купцы появились в регионе позже армян и греков, получивших, таким образом, временную фору;

4) Наконец, Земля Войска Донского долго служила своеобразным щитом, прикрывавшим Приазовье от массового переселения туда русских (например, изначально казаки селили переселенцев на своих землях). В итоге до середины XIX в. греки составляли большинство в таганрогском градоначальстве, армяне – в Нахичивани-на-Дону, а доля евреев в Ростове-на-Дону достигала 20 %.

Поэтому к 1850-м гг., когда власти начали унифицировать законодательство приазовских городов с общероссийским, рассчитывая начать, наконец, их ассимиляцию, у греческой, армянской и еврейской диаспор сложились устойчивые ядра из нескольких тысяч компактно проживающих представителей, в числе которых были влиятельные люди в регионе. А к 1880-м гг., когда Приазовье, наконец, подчинили сильной и консервативной администрации области Войска Донского, диаспоры были настолько влиятельны, что даже выселение евреев, к которым войсковые и имперские власти относились откровенно негативно, стало бы экономической катастрофой. Правда, как раз с середины XIX в. приток поселенцев из России и потеря особого статуса начали ослаблять данные диаспоры, но тот запас прочности, который они успели создать за предыдущий период, очевидно, оказался очень велик.

Литература

Батиев, 2020a – Батиев Л.В. Ревизия Жемчужникова как источник по истории самоуправления Нахичевани-на-Дону // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 1. С. 16-21.

Батиев, 2020b – Батиев Л.В. Трансформация органов самоуправления Нахичевани-на-Дону в 1860-е годы // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2020. Т. 19. № 1. С. 155-173.

Батиев, Суций, 2020 – Батиев С.В., Суций С.Я. Армянская община Дона в конце XVIII – начале XXI в.: от самоуправляемой колонии к этнокультурному меньшинству // *Этнографическое обозрение*. 2020. № 3. С. 80.

- Военно-статистическое обозрение...**, 1850 – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11. Ч. 4. СПб., 1850. 186 с.
ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
Гонтмахер, 2007 – *Гонтмахер М.А.* Евреи на донской земле. Ростов-на-Дону, 2007. 857 с.
Корниенко, 2013 – *Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
Краснов, 1863 – *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
Номикосов, 1884 – *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 762 с.
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
Павлович, 1862 – *Павлович В.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб., 1862. 396 с.
Первая Всеобщая..., 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XII. СПб., 1905. 255 с.
Пешкова, 2016 – *Пешкова В.М.* Теоретико-методологические основания изучения диаспорных сообществ: краткий обзор зарубежных и российских подходов // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: Сборник статей. М., 2016. С. 18-32.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
Столетие военного..., 1911 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 4. СПб., 1911. 414 с.
Сухоруков, 1891 – *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. 310 с.
Филевский, 1898 – *Филевский П.П.* История города Таганрога. М., 1898. 376 с.
Чалхушьян, 1999 – *Чалхушьян Г.Х.* История города Ростова-на-Дону. Историческая записка о городе Ростове-на-Дону. Глава III // Донской временник. 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=783 (дата обращения: 12.03.2021).
Batiev, Kazarov, 2018 – *Batiev L.V., Kazarov S.S.* Novo-Nakhichevan Magistrate: Origin, Structure, Functions // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. Pp. 518-527.

References

- Batiev, 2020a** – *Batiev, L.V.* (2020) Reviziya Zhemchuzhnikova kak istochnik po istorii samoupravleniya Nakhichevani-na-Donu [Zhemchuzhnikov's revision as a source on the history of Nakhichevan-on-Don self-government]. *Humanities and law studies*. 1: 16-21. [in Russian]
Batiev, 2020b – *Batiev, L.V.* (2020). Transformatsiya organov samoupravleniya Nakhichevani-na-Donu v 1860-e gody [Transformation of Nakhichevan-on-Don self-government bodies in the 1860s]. *RUDN Journal of Russian History*. 19(1): 155-173. [in Russian]
Batiev, Kazarov, 2018 – *Batiev, L.V., Kazarov, S.S.* (2018). Novo-Nakhichevan Magistrate: Origin, Structure, Functions. *Bylye Gody*. 48(2): 518-527.
Batiev, Sushchii, 2020 – *Batiev, S.V., Sushchii, S.Ya.* (2020). Armyanskaya Obshchina Dona v kontse XVIII – nachale XXI v.: ot samoupravlyaemoi kolonii k etnokul'turnomu men'shinstvu [The Armenian Community of the Don at the end of the XVIII – beginning of the XXI century: from a self-governing colony to an ethno-cultural minority]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3: 80. [in Russian]
Chalkhush'yan, 1999 – *Chalkhush'yan, G.Kh.* (1999). Istoriya goroda Rostova-na-Donu. Istoricheskaya zapiska o gorode Rostove-na-Donu [History of the city of Rostov-on-Don. Historical note about the city of Rostov-on-Don]. Glava III. Donskoi vremennik. [Electronic resource]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=783 (date of access: 12.03.2021). [in Russian]
Filevskii, 1898 – *Filevskii, P.P.* (1898). Istoriya goroda Taganroga [History of the city of Taganrog]. М. P. 376. [in Russian]
ГАРО – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov region].
Gontmakher, 2007 – *Gontmakher, M.A.* (2007). Evrei na donskoi zemle [Jews on the Don land. Rostov-on-Don]. Rostov-na-Donu. P. 857. [in Russian]
Kornienko, 2013 – *Kornienko, B.S.* (2013). Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914) [Pravyi Don: The Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909-1914)]. SPb. P. 232. [in Russian]
Krasnov, 1863 – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Land of the Don Army]. SPb. P. 596. [in Russian]
Nomikosov, 1884 – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Army Region]. Novocherkassk. P. 762. [in Russian]
ОР РНБ – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian National Library].

[Pavlovich, 1862](#) – *Pavlovich, V.* (1862). *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Ekaterinoslavskaya guberniya* [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Ekaterinoslavskaya guberniya]. SPb. P. 396. [in Russian]

[Pervaya Vseobshchaya..., 1905](#) – *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g.* [The First General Census of the population of the Russian Empire in 1897]. T. XII. SPb., 1905. P. 255. [in Russian]

[Peshkova, 2016](#) – *Peshkova, V.M.* (2016). *Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya izucheniya diaspornykh soobshchestv: kratkii obzor zarubezhnykh i rossiiskikh podkhodov* [Theoretical and methodological foundations of the study of Diaspora communities: an overview of Russian and foreign approaches]. *Diaspory i zemlyachestva: opyt regional'nogo izmereniya: Sbornik statei.* M. Pp. 18-32. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

[Stoletie voennogo..., 1911](#) – *Stoletie voennogo ministerstva* [Centenary of the War Ministry]. 1802–1902. T. XI. Ch. 4. SPb., 1911. P. 414. [in Russian]

[Sukhorukov, 1891](#) – *Sukhorukov, V.D.* (1891). *Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822–1832 godakh* [Statistical description of the Land of the Don Cossacks, compiled in 1822–1832]. Novocherkassk. P. 310. [in Russian]

[Voенно-statisticheskoe obozrenie..., 1850](#) – *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii* [Military-statistical review of the Russian Empire]. T. 11. Ch. 4. SPb., 1850. P. 186. [in Russian]

Диаспорные сообщества области Войска Донского в XIX столетии: опыт системной характеристики

Андрей Владимирович Бедрик ^a, Артем Юрьевич Перетяtko ^{b, c, *}, Маргарита Васильевна Финько ^d, Ольга Ивановна Шафранова ^e

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^e Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. Представленная статья посвящена комплексной характеристике донских диаспорных сообществ XIX столетия, совместно функционировавших в едином социально-экономическом, политическом и культурном пространстве исторического региона. Авторским коллективом проанализирована историографическая традиция, характеризующая синхронное развитие этнических диаспор Дона в условиях системной модернизации традиционных общественных институтов. Компаративистский подход позволяет представить имманентные особенности региональных этнических общин, складывавшиеся в течение предшествующей эпохи и трансформировавшиеся под специфическим влиянием имперских властей и казачьей среды. Источниковая база включает как многообразные статистические данные официального и экспертного характера, так и неопубликованные документальные материалы, раскрывающие особенности региональных административных практик. Повседневная жизнедеятельность диаспорных сообществ рассматривается в общекультурном контексте развивающегося региона, формирующего новую модель коллективной идентичности.

Ключевые слова: регион, казаки, армяне, греки, евреи, диаспора, этнос, общество, управление.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko), abedrik@bk.ru (А.В. Бедрик), mvfinko@mail.ru (М.В. Финько), shafranova@yandex.ru (О.И. Шафранова)